

DOI: 10.31648/pw.8468

ALLA KOZHINOWA | АЛЛА КОЖИНОВА
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5498-7037>
independent researcher

ЭНАНТИОСЕМИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОМИНАЦИЙ ЗДОРОВЬЯ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Enantiosemic phenomena in the naming process of 'health' units in dialect speech

ABSTRACT: The article presents selected examples of enantiosemy which take place in the process of developing names denoting health in Russian dialects compared with Common Slavic units. Primarily, the history of the Russian kreiat' and derived words with the same root are studied, alongside some other words with the same meaning. It is stated that auto-antonymous meanings can be detected through the existence of a lexeme originating from the primary motivation to a later attestation. The complexity of the historical development of a name often results in a discrepancy between its proposed etymologies.

KEYWORDS: word history, etymology, enantiosemy, Russian dialects, Slavic dialects

Введение. Обоснование темы исследования

В последнее, да и не только последнее, время ученые, занимающиеся этимологическими исследованиями и рассматривающие процесс формирования семантики слова, от поисков единственного семантического инварианта этимона переходят к представлению о возможной полисемии древней лексической единицы. Так, еще в 1973 г. Д. Н. Шмелев писал:

Это не значит, что следует искать „общее значение”, которое рассматривалось бы как семантический инвариант или как некоторое неизменное смысловое ядро, сохраняющееся при употреблении слова в разных значениях. Существование подобного „общего значения” у слова сомнительно хотя бы потому, что свойственные слову значения во многих случаях соотносят его с неоднородными „реалиями” и с разными семантическими группами слов (Shmelev 1973, 76).

Подобную идею встречаем в более поздней работе С. М. Толстой:

Традиционно задачей семантической реконструкции в этимологии считалось установление „исходного” значения, послужившего источником дальнейшего семантического развития. [...] Установка на одно „исходное” значение автоматически снимает вопрос о многозначности праславянского слова. Между тем представление об отсутствии многозначности противоречит данным семантической типологии и при признании праславянского языка реальным языковым идиомом должно быть отвергнуто (Tolstaya 2008, 13).

Как представляется, в некоторых случаях при исследовании исходной семантики позволительно говорить не только о полисемии, но и о энантиосемии, то есть о противопоставленности значений в границах отдельной семемы. Эту идею мы постараемся, пользуясь методами семантической реконструкции и этимологического анализа, представить в данной статье на материале лексем, выражающих понятие „здоровье”, в славянских диалектах.

1. Выбор материала исследования

Выбор именно этого материала демонстрации исходного тезиса обусловлен тем, что средства выражения понятия „здоровье” в русских диалектах, а также в диалектах других славянских языков отличаются необычайным мотивационным разнообразием. Это, безусловно, вызвано, во-первых, свободой формирования диалектной речи, не сдерживаемой кодифицированной нормой, а, во-вторых, фиксацией единиц по данным различных диалектов, нередко существенно отличающихся друг от друга.

Вот несколько примеров разнообразия мотивировок, лежащих в основе возникновения рассматриваемых номинаций: так, например, здоровье в русских диалектах может обозначаться через древесный код (*кренастый* ‘прочный, с большими корнями’, ‘плотный, широкоплечий, крепкого телосложения’ и ‘здоровый, сильный’ (SRNG 15 1979, 213), *дуботёл* ‘рослый, здоровый парень’ (BTSDK, 142), через представление о крепости (*крепик* ‘здоровый, сильный человек; здоровяк’ (SRNG 15 1979, 216), ср. также *ядренный* ‘хорошего качества, крепкий’ и ‘здоровый, крепкий’ (SSRNGD, 610)) и твердости (*твердый* ‘здоровый, сильный (о человеке)’ (SRNG 43 2010, 322), силе (*могута* ‘здоровье, сила, крепость’ (SRNG 18 1982, 200) (ср. *быть в могуте* ‘иметь крепкое здоровье, силы’ (FSRGS 20), *осилеть* ‘окрепнуть, набраться сил, выздороветь’ (SRNG 24 1989, 6), *подюжеть* | *подюжатъ* ‘вырасти, окрепнуть, поздороветь’ (SRNG 28 1994, 274). Это, конечно, неполный перечень – существует большое количество других моделей.

Как видно, все приведенные выше мотивировки прозрачны, легко могут быть прочитаны и объяснены. Реже встречаются номинации с исчезнувшей, требующей восстановления внутренней формой. Так, например, идея крепости усматривается в гнезде слов с корнем *дяг-* (*дяглый* ‘сильный, здоровый, крепкий’, *дягнути* ‘становиться сильнее, здоровей, лучше, крепче, расти’ (SRNG 8 1972, 305), *одягнуть* ‘поправиться, выздороветь’, *одягнуться* ‘ожить, оживиться, выздороветь’ (SRNG 23 1987, 71), поскольку для них, по одной из версий, реконструируется связь с и.-е. корнем **dhengh-* ‘достигать, крепко схватывать; крепкий, сильный’ (Anikin 2000, 10). Однако именно подобные номинации чрезвычайно интересны, поскольку могут демонстрировать нетипичные процессы в области развития семантики.

2. Энантисемия в развитии семантики слав. **-krějo*, **-krъjati*

Как представляется, к таким единицам, в отношении которых трудно определить мотивировочное значение, относится глагол *креять* ‘выздоровливать, поправляться’ (SRNG 15, 241) и иные многочисленные образования, связанные с ним родственными отношениями, такие, как *окреять* | *окорекать* ‘поправиться, выздороветь’ (SRNG 1987, 154), *охреять* | *охриять* ‘выздороветь, поправиться; оправиться от перенесенного горя; поправить денежные и хозяйственные дела’¹ (SRNG 1990, 51), *оклеять*² и *окляять* ‘выздороветь, поправиться, очнуться прийти в себя’ (SRNG 1987, 126), *отклеять* ‘выздороветь, поправиться’ (SRNG 1989, 204), ср. также с аналогичной семантикой *охлеять* (SRNG 1990, 49), *отхлеять* | *отхляять*, *отхлянеть* (SRNG 1989, 353),

Действительно, одна из объяснительных версий этого непростого в этимологическом отношении слова связывает его с лат. *creō, creāre* ‘создавать’ (ESSYA 1985, 130). Такая параллель уходит корнями глубоко в человеческое сознание – М. Элиаде (Eliade 1996, 38), в частности, приводит многочисленные примеры того, как при лечении колдун рассказывает космогонию или создает у постели больного т.н. *imago mundi* (образ мира).

Однако в русских диалектах среди номинаций здоровья подобных производных, мотивированных идеей творения, не встречается. Это дает основание обратить внимание еще на еще одну этимологию, которая предполагает, что в этом случае „значение выздоравливать произведено от значения ‘слабеть, медлить’, которое само по себе, можно думать, не является первичным” (Kurkina 1980, 33). В связи с этим глагол *креять*, объявленный выше средством выражения идеи здоровья, представляется достаточно противоречивым, и потому интересным.

¹ О родстве подобной модификации с исходным глаголом см. Kurkina 1980, 33.

² О возможности такого фонетического изменения см. ESSYA 2000, 126.

Интересным, поскольку в других континуантах корня, сформировавшего этот глагол, очевидно проявляется энантиосемия. Так, указывается, что на фоне таких именовании обретения здоровья, как рус. диал. *вскривиться*, чеш. *okřati* ‘оправиться душевно и физически’, словац. *okriat* ‘с тем же значением, словен. *okrévati* ‘поправляться, набираться сил’ и др. выделяются болгарские глаголы *крея* ‘чахнуть, сохнуть, хиреть’, *крейъ* ‘слабеть, хиреть’, серб.-цслав. *крѣвати* ‘могати’ и др. (Kurkina 1980, 32), ср. также рус. *хрять* ‘хиреть, болеть’ (ESSYA 1985, 130). Это позволяет предположить, что первичная семантика, реализуемая бесприставочным глаголом, связана с представлением болезни, а именование здоровья – вторично, поскольку реализуется производным префиксальным глаголом.

Подобное, как кажется, подтверждается и данными, в частности, белорусских диалектов. Здесь, действительно, и бесприставочные (*кряить* ‘начать выздоравливать’ (Nosovich 1870, 253), *кряиць* (Baykoŭ | Nekrashevich 1925, 153)), и приставочные (*окряиты* ‘выздоревть, поправиться’ (DSB 153, ср. также Sigeda 1977, 44); *акряиць* ‘поправиться после болезни или несчастливой жизни’ (Varlyha 1970, 12); *акряиць* ‘выздоревть (SRLG 10)’; *акляиць* то же (MASM 10)) глаголы служат для передачи понятий, связанных со здоровьем, а бесприставочные, правда, с иным корневым консонантным рефлексом, – только лишь болезни (*клеваць* ‘болеть, еле жить’ (Зайка 2011, 110); *клѣваць* ‘чувствовать себя очень слабым’ (MSMMG 45); *кляваць* | *клеваць* ‘болеть, еле жить’ (SBGPZB 486)).

Однако наряду с этим в белорусских диалектах представлены любопытные именные беспрефиксальные образования: *клее* | *кльи* ‘жизненные силы’ (DSB 96), *клѣк* ‘жизненная сила, мощь, энергия’ (TS 196). Кстати, в других славянских языках, за исключением болгарского, семантика бесприставочных образований связана с представлением здоровья: чеш. стар. *křáti, kříti, křeji* ‘приходить в себя, набираться сил’, укр. *кряити* ‘набираться сил и здоровья’ (ESSYA 1985, 130), с.-х. *krěvati* ‘поправляться, набираться сил’ (Kurkina 1980, 32)³.

Другие примеры также указывают на то, что в семантике образований от рассматриваемого глагола на всех этапах переплетаются как позитивные (связанные со здоровьем, благополучием), так и негативные представления. Л. В. Куркина приводит следующие производные от *охреять*: *охреян*, *охрян* ‘лентяй, грубиян; старовер’, *охреянить* ‘о лошади: отставать в паре, лениться’, *охрюта* ‘неповоротливый человек; простак, дураковатый’, *охрюша* ‘лодырь’ с указанием на архаичный характер их семантики (Kurkina 1980, 33). Как представляется, развитие подобной негативной оценки (ленивый, непо-

³ Любопытно, что рассматриваемые образования представлены во всех славянских языках, кроме лехитских – польские и кашубские словари не фиксируют их (см. Karłowicz 1900-1911; Sychta 1968; Stamirowska | Pierzowa (red.) 1993; польских примеров не приводит и ESSYA).

воротливый) может быть связано не только с идеей болезни, но и здоровья, в связи с чем можно привести многочисленные примеры из русских диалектов, ср. *абреутень* ‘здоровый, но ленивый человек’ с примером *Абреутинь* – *сильный, упитанный, ну лодырь, баглай* ‘бездельник | здоровый, сильный’ (BTSDK 23, 30); *дошник* ‘здоровый, но ленивый человек’ (SRNG 1972, 166); *ерыкала* ‘долговязый, дородный человек, ведущий праздный образ жизни | здоровый человек’ (SRNG 1972, 37); *кобыляк* ‘о здоровом, рослом, но ленивом подростке, парне’ (SRNG 1978, 22); *лабзай* ‘толстый, здоровый, но ленивый человек’; *лабрэт* ‘рослый, здоровый, но ленивый мужчина’ (SRNG 1980, 215); *лобан* ‘крупный, здоровый мальчик или мужчина | большой ленивый мальчик или мужчина’; *лобарь* ‘о крепком, здоровом, но ленивом человеке’; *лобортрёс* и *лоботряс* ‘бездельник, лентяй, лоботряс | большой, здоровый человек’; *ломок* ‘физически здоровый, крепкий, но ленивый человек’; *лусма* ‘здоровая дебелая женщина’ с примером *Вон какая лусма, а работать не хочет* (SRNG 1981, 94, 95, 98, 123, 241); *мерёховик* ‘о здоровом, толстом мужчине | о ленивом человеке’; *мерин* ‘о высоком, толстом человеке | о лентяе | о здоровом, сильном человеке’ (SRNG 1982, 116, 118); *озой* ‘ленивый человек | крепкий, здоровый, жирный, сытый человек’ (SRNG 1987, 97); *охлябина* ‘большого роста, здоровый, но ленивый человек’ (SRNG 1990, 38); *сатюк* ‘толстяк | ленивый, неповоротливый человек | сильный, здоровый человек’ (SRNG 2002, 152); *себёр* ‘здоровый, сильный, но праздный человек’ (SRNG 2003, 94).

Дальнейшие поиски приводят к сближению слав. **-krějo*, **-krějati* с основой **korv-* (Kurkina 1980, 34). Со ссылкой на О.Н. Трубачева реконструируется семантика слав. **korviti*: ‘шелушиться, линять, освобождаться от коросты’, от чего делается переход к значению ‘слабеть, чахнуть, болеть’.

Однако представляется, что подобная семантика не однозначно приводит к идее болезни. Примером этого может являться рус. диал. *кунеть* ‘быть здоровым, поправляться; расти, мужать; толстеть; богатеть’ (SRNG 1980, 92-93) (ср. также *выкунеть* | *выкунять* ‘покрыться пушистой шерстью; поправиться, пополнеть; выздороветь’ (SRNG 1970, 298)). Для этого глагола в «Этимологическом словаре славянских языков» реконструируется праславянская форма и там с использованием версии В. И. Даля дается возможное объяснение подобного семантического перехода: «приходить в силу, как бы отлинявший зверь» (ESSYA 1987, 105). Здесь, как видим, линька, наоборот, является пресуппозицией здоровья, а не болезни.

Представляется, что в данном случае можно говорить о двух полюсах этимологии в понимании В. Н. Топорова:

В одном случае этимология как бы полностью, без остатка, исчерпывает слово, не оставляя места для дальнейших вопросов: результат этимологии представляет

собой нечто вроде застывшего и совершенно в своей законченности кристалла. В другом случае этимология оказывается не оконченной (она не исчерпывает слова, обозначая скорее лишь место „вхождения” в нее и некую совокупность возможных путей дальнейшего исследования; нередко в этой ситуации первый шаг раскрывает перед исследователем еще более сложную картину), не центрированной, но только намекающей на ее неисчерпаемость и глубинные потенции и одновременно вызывающей череду вопросов; результаты такой этимологии могут быть, – продолжая аналогию, – уподоблены клетке с ее скрытыми резервами, гибкостью, динамичностью, способностью к дальнейшему развитию и отклику на внешние условия (Toporov 1986, 207).

3. Другие примеры развития энантиосемии в семантике диалектных лексем

В случае представленного выше корня, как оказалось, невозможно определить уже на уровне этимона, какое значение было первоначальным. Подобное может иметь место и в том случае, когда речь идет не об исконном корне, последовательно развивающимся на славянской почве, а о заимствованной лексеме. Примером может служить известное прилагательное *рахманный* – среди множества его значений выберем те, что связаны с представлением здоровья: ‘невидный, невзрачный’; ‘хилый, слабосильный, болезненный’, но также и ‘здоровый, крепкий, румяный, пышный’ (SRNG 2000, 344). Считается, что это заимствование или из греч. βράχμανοί ‘брахманы’, распространившееся благодаря сказанию об Александре и другим произведениям, или из турецк. *rahman* ‘милосердный, сострадательный, всемилостивый’ (Zhuravlev 2005, 452). В данном случае противоречив как источник появления слова, так и дальнейшее его семантическое развитие уже на русской почве.

Но даже если этимология слова прозрачна и легко прочитываема, ничто не мешает прийти к энантиосемии через дальнейшее развитие его семантики: ср. *очунеть* ‘выздороветь, прийти в себя’ и ‘заболеть; лишиться чувствительности’, *отживать* ‘жить, выздороавливать’ и ‘стареть, дряхлея, становиться нежизнеспособным’ и др. (см. подробнее Mel’nikova 2009 20). Во многих таких случаях основой для появления антонимичных номинаций лежит абсолютно обыденное представление об окружающем объективном мире.

Так, красота естественным образом является условием здоровья, о чем свидетельствуют многочисленные русские диалектные номинации: *прекрасный* ‘здоровый, крепкий’ (SRNG 1997, 83), *красавый* ‘красивый, здоровый видный собой’, *красень* ‘красавец, человек с крепкими мышцами, здоровяк’, *красёха*

‘дородная⁴, здоровая женщина’, *красик* ‘здоровый, румяный, красивый человек; толстый, здоровый, с красной кожей человек; здоровяк с красным лицом’, *краснокровый* ‘здоровый, полный, румяный’, *красняк* ‘здоровый, краснощекий человек’, *красяк* ‘здоровый и толстый пожилой мужчина’ (SRNG 1979, 173, 174, 175, 183, 196 203), *покрасеть* ‘поздороветь, окрепнуть’ (SRNG 1995, 6). Некоторые из приведенных выше номинаций показывают, что здоровье мотивируется не только красотой, но и красным цветом здорового лица; вот еще несколько подобных колоративов со значением здоровья: *красный* ‘здоровый, сильный’ (SRNG 1979, 190), *розовый* ‘здоровый; красивый парень с хорошим цветом лица’ (SRNG 2001, 164), *рындик* ‘человек с отличным здоровьем; о человеке с красным или загорелым лицом’ (SRNG 2001, 310) ср. также пример на слово *красниций* – *Здоровиций был* – *красниций* (SRNG 1979, 179). Также отмечается терапевтическая роль красного цвета в народной медицине (см., например, Успенский 1982, 67).

Однако обыденное сознание с такой же легкостью усматривает красный цвет в проявлениях различных болезней, употребляя прилагательное *красный* в их названиях (грыжи, лихорадки, рожи) (SRNG 1979, 194), а также именуя *краснухой* | *краснушкой* корь, сифилис, крапивную лихорадку, скарлатину, вообще сыпь (там же, 187-188). И даже сама идея красоты находит применение в именовании болезней (*красуха* | *красушка* (там же, 203)), а также в формуле заговора – *красная красавица* ‘наименование болезни’⁵ (там же, 172) (здесь, безусловно, определенную роль играет языковое табуирование).

В процессе представления здоровья могут принимать участие номинации, мотивированные совершенно противоположными признаками. В основе таких номинаций, например, может лежать представление о движении, как быстром (*обрезветь* | *обризветь* ‘выздороветь’ (SRNG 1987, 200)), так и медленном (*телепень* ‘о здоровом, крепком, упитанном человеке’ от *телепаться* ‘тащиться, медленно идти или ехать’ (SRNG 44 2011, 5)), причем не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости (*одыбать* (ср. рус. *дыбом*, *на дыбы*) ‘встать на ноги после болезни, поправиться, выздороветь | подняться, прийти в нормальное состояние (о растениях)’ (SRNG 1987, 69), кроме того, здоровье кодируется также и через искривление движения (*вскривиться* ‘оклематься, оправиться от тяжелой болезни’ (SRNG 1970, 204)) и др.

Последнее представляется тем более удивительным, поскольку отмечается, что обычно в противопоставлении „здоровье” – „болезнь” лежат „антонимичные мотивации ‘здоровье’ – это „несгибаемость”, а ‘болезнь’ – „согнутость”” (Mel’nikova 2009, 169). Это коррелирует с бинарной оппозицией

⁴ Этот и некоторые следующие примеры дополнительно иллюстрируют народное представление о полноте как залого здоровья.

⁵ Составители словаря без уверенности связывают это именование с краснухой.

‘прямой – кривой’, где первое из составляющих является положительным. Для утверждения обратного можно привести пример лексем, корни которых восходят к псл. **klemati* (se): *клемать* ‘быть здоровым’; *оклематься* ‘укрепить здоровье отдыхом’, *оклемать* ‘поправить чье-л. здоровье’; ‘выздороветь, поправиться’ (SRNG 1987, 123, 124), *склематься* ‘выздороветь, оправиться после болезни или тяжелого потрясения’; ср. также *сколяматься* ‘выздороветь, поправиться’ (SRNG 2004, 38, 70); *охлематься* ‘выздороветь, прийти в себя’ (SRNG 1989, 33). Они родственны глаголу **kloniti*, ср. также ст.-чеш. *kleměti* ‘сидеть согнувшись’ (ESSYA 1983, 194)⁶. Этому глаголу родственны и лексемы *оклечать* ‘выздороветь, поправиться’ (SRNG 1987, 126) и *оклешаться* с тем же значением, которые связаны с псл. **obklečati*, являющимся производным от **ob-* и **klečati* (ESSYA 2000, 122), где последнее составляющее связано с корнями **klen-* | **klon-* (ESSYA 2002, 10).

Связь с моделью искривления можно усмотреть и в континуантах псл. **krěрьь*, **krěрьькъ* – ‘крепкий, сильный’ (*крепак* ‘крепыш, здоровяк, силач’, *крепик* ‘здоровый, сильный человек’, *крепчак* ‘крепыш здоровяк’ (SRNG 1979, 215, 216, 220) и др.), принимая во внимание то, что родственные балтские формы представляют именно искривленное движение, ср., например, лит. *krūpti* ‘поворачиваться, оборачиваться, искривляться’ (ESSYA 1985, 136).

Первое составляющее названной выше бинарной оппозиции ‘прямой – ‘кривой’ также находит свою реализацию в номинациях здоровья, реализуясь континуантами корня *прав-*: *правый* ‘здоровый, без увечий и физических недостатков’ (SRNG 1997, 62), *исправный* ‘крепкий, плотный, цветущий’ (SRNG 1977, 243), *поисправнее* ‘пополнее, поздоровее’ (SRNG 1994, 382), *поправа* ‘выздоровление, поправка’, *поправленный* ‘поправившийся, выздоровевший’ (SRNG 1995, 338, 339), *правный* ‘здоровый’, *принправиться* ‘поздороветь, поправиться’ (SRNG 1997, 59, 308), *справиться* ‘выздороветь, поправиться’, *справный* ‘здоровый, крепкий, упитанный’, *справненький* ‘здоровый, крепкий’ (SRNG 2006, 257, 258, 259).

Заключение

Подводя итог сказанному выше, можно с уверенностью утверждать, что все энантиосемические процессы, представленные в настоящей статье, обусловлены двумя факторами. Первый фактор, объективный, – это действительная противопоставленность и взаимная обусловленность процессов, связанных со здоровьем и болезнью. Но есть и другой, субъективный фактор – а именно то, что «история значений слов с трудом поддается систематизации вследствие

⁶ Ср. выше идею искривленного движения в связи с псл. **krěрьь*, **krěрьькъ*.

слиянности судеб слов и вещей (точнее, их ментальных репрезентаций), а также яркой индивидуальности семантического пути слова» (Berezovich 2014, 7).

Казалось бы, приведенные примеры могут привести к лишенному оптимизма представлению о том, что мы, скорее всего, не сможем развязать энантиосемические узлы, возникающие уже у истоков существования корня и выбрать один из противостоящих друг другу смыслов или же непротиворечиво доказать их уже первичное сосуществование. Однако приведенные в начале статьи идеи о первоначальной полисемии этимона позволяют предположить, что многозначность в форме энантиосемии могла изначально лежать у истоков развития семантики слова. Оценивая идею Шмелева, О. Н. Трубочев отмечал:

Поиски основного или общего значения равным образом были бы обречены на неуспех, трактовка одного из приведенных выше значений как исходного в обычном понимании также может показаться произвольной, удовлетвориться констатацией поляризации значения, в свою очередь, было бы слишком мало для проникновения в суть явления. Д. Н. Шмелев [...] приходит на конкретном материале к необходимости оперировать совокупностью значений. Наши примеры показывают важность этого на этимологическом, историческом материале (впрочем, включая употребления, живые и в современном языке). Мы имеем дело с совокупностью изменяющихся значений (Trubachev 2004, 85).

Таким образом, можно предположить, что обнаруженная энантиосемичная полисемия может составлять изначальную основу развития семантики многих единиц, участвующих в выражении понятия „здоровье”. Безусловно, данное утверждение относится к области научных гипотез и нуждается в дальнейших подтверждениях.

Библиография

Источники и сокращения

- BTSDK – Degtyarev, V. I. i dr. (red.) (2003), Bol'shoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva. Moskva. [БТСДК – Дегтярев, В. И. и др. (ред.) (2003), Большой толковый словарь донского казачества. Москва.]
- DSB – Alyakhnovich, M. (red.) (1989), Dyayalektny sloŭnik Brestchyny. Minsk. [ДСБ – Аляхнович, М. (ред.) (1989), Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск.]
- ESSYA – Trubachev, O. N. i dr. (otv. red.) (1963-2018), Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond, 1-39. Moskva. [ЭССЯ – Трубочев, О. Н. и др. (отв. ред.) (1963-2018), Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, 1-39. Москва.]
- FSRGS – Fedorov, A.I. (otv. red.) (1983), Frazеologicheskij slovar' russkikh govovor Sibiri. Moskva. [ФСРГС – Федоров, А.И. (отв. ред.) (1983), Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Москва.]

- MASM – Kryvitski, A. A. i in. (red.) (1981), Materyyaly da ablasnoga sloŭnika Magilëŭshchyny. Minsk. [МАСМ – Крывіцкі, А. А. і ін. (рэд.) (1981), Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мінск.]
- MSMMG – Zhydovich, M. A. (red.) (1974), Materyyaly dlya sloŭnika minska-maladzechanskikh gavorak. Minsk. [МСММГ – Жыдовіч, М. А. (рэд.) (1974), Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Мінск.]
- SBGPZB – Matskevich, Yu. F. (red.) (1980), Sloŭnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zakhodnyay Belarusi i yaе pagranichcha, 2. Minsk. [СБГПЗБ – Мацкевіч, Ю. Ф. (рэд.) (1980), Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 2. Мінск.]
- SRNG – Filin, F. P. | Sorokoletov, F. P. | Kuznetsova, O. D. (red.) (1965-2019), Slovar' russkikh narodnykh govorov, t. 1-51. Moskva – Leningrad – Sankt-Peterburg. [СРНГ – Филин, Ф. П. | Сороколетов, Ф. П. | Кузнецова, О. Д. (ред.) (1965-2019), Словарь русских народных говоров, т. 1-51. Москва – Ленинград – Санкт-Петербург.]
- SSRNGD – Ossovetskiy, I. A. (red.), 1969, Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo(d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoj oblasti). Moskva. [ССРНГД – Оссоветский, И. А. (ред.), 1969, Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Москва.]
- TS – Kryvitski, A. A. i in. (sklad.) (1981), Turaŭski sloŭnik, 2. Minsk. [ТС – Крывіцкі, А. А. і ін. (склад.) (1981), Тураўскі слоўнік, 2. Мінск.]

Літаратура

- АНИКИН, А. Ye. (2000), Slavyanskaya leksika na neslavyanskom fone (1-7). V: Varbot, Zh. Zh. (red.), Etimologiya 1997-1999. Moskva, 6-12. [Аникин, А. Е. (2000), Славянская лексика на неславянском фоне (1-7). В: Варбот, Ж. Ж. (ред.), Этимология 1997-1999. Москва, 6-12.]
- БАУКОЎ, М. | НЕКРАШЭВІЧ, С. (1925), Belaruska-rasiyski sloŭnik. Mensk. [Байкоў, М. | Некрашэвіч, С. (1925), Беларуская-расійскі слоўнік. Менск.]
- BEREZOVICH, Ye. L. (2014), Russkaya leksika na obshchесlavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya. Moskva. [Березович, Е. Л. (2014), Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва.]
- ELIADE, M. (1996), Aspekty mifa. Moskva. [Элиаде, М. (1996), Аспекты мифа. Москва.]
- KARŁOWICZ, J. (1901), Słownik gwar polskich, 2. Kraków.
- МЕЛЬНИКОВА, С. А. (2009), O spetsifike funktsionirovaniya modeli sgibaniya v leksiko-semanticheskom pole „Sila, zdorov'ye | slabost', bolezni”. In: Berezovich, Ye. L. (red.), Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Yekaterinburg, 169-170. [Мельникова, С. А. (2009), О специфике функционирования модели сгибания в лексико-семантическом поле „Сила, здоровье | слабость, болезнь”. В: Березович, Е. Л. (ред.), Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 169-170.]
- NOSOVICH, I. I. (1870), Slovar' belorusskogo narechiya. Sankt-Peterburg. [Носович, И. И. (1870), Словарь белорусского наречия. Санкт-Петербург.]
- SIGEDA, P. I. (1977), Materyyaly da dyalektnaga sloŭnika Br'estchyny. Narodnaya leksika. Minsk. [Сігеда, П. І. (1977), Матэрыялы да дыялектнага слоўніка Брэстчыны. Народная лексіка. Мінск.]
- SHMELEV, D. N. (1973), Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka). Moskva. [Шмелев, Д. Н. (1973), Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Москва.]
- STAMIROWSKA, Z. | PIERZOWA, H. (red.) (1993), Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur, 3. Warszawa – Kraków.
- СУХТА, В. (1968), Słownik gwar kaszubskich, 2. Wrocław etc.

- TOLSTAYA, S. M. (2008), Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchslavyanskoj perspektive. Moskva. [Толстая, С. М. (2008), Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. Москва.]
- ТОПОРОВ, В. Н. (1986), O nekotorykh teoreticheskikh aspektakh etimologii. In: Varbot, Zh. Zh. i dr. (red.) Etimologiya. 1984. Moskva, 205-211. [Топоров, В. Н. (1986), О некоторых теоретических аспектах этимологии. В: Варбот, Ж. Ж. и др. (ред.) Этимология. 1984. Москва, 205-211.]
- ТРУБАЧЕВ, О. Н. (2004), Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura, 1. Moskva. [Трубачев, О. Н. (2004), Труды по этимологии: Слово. История. Культура, 1. Москва.]
- VARLYNA, A. (1970), Krajovy slovník Łahojščyny. New York.
- ЗАЙКА, А. (2011), Dyualektny sloŭnik Kosaŭshchyny. Slonim. [Зайка, А. (2011), Дыялектны слоўнік Косаўшчыны. Слонім.]
- ZHURAVLEV, A. F. (2005), Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A. N. Afanas'yeva «Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu». Moskva. [Журавлев, А. Ф. (2005), Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу. Москва.]

